

**Замѣчанія о текстѣ II тома
академическаго изданія сочиненій Пушкина.**

Чистота текста — первое условіе, которому должна удовлетворять всякая книга, въ особенности изданіе классика, да еще такое, которое стремится къ возможной полнотѣ и тщательности и должно служить почвой для строго-научныхъ изученій. Эту задачу поставило себѣ и академическое изданіе сочиненій Пушкина, но, выполняя ее, сдѣлало нѣсколько ошибокъ, отмѣтить и разъяснить которыя намъ представляется необходимымъ, не только для возстановленія подлиннаго пушкинскаго текста, но главнымъ образомъ ради устраненія неумѣстныхъ и могущихъ быть вредными приѣмовъ изслѣдованія текста, вѣдущихъ къ его затемненію и искаженію.

Въ бумагахъ Пушкина осталось немало черновиковъ. Поэтъ бережно хранилъ ихъ, дорожилъ ими и нерѣдко обращался къ представляемому ими запасу. Ему дорогъ былъ иной

нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкой слѣдъ...

Какъ часто ни навѣщало его вдохновенье, онъ дорожилъ отдѣльными моментами творчества, старался уловить и запечатлѣть новую мысль, счастливый образъ, „то звуковъ или словъ неожиданное стеченье, то ѣдкой путей соль, то странность приемы новой, неслыханной дотоль,“ — и его черновые бумаги представляютъ настоящую поэтическую лабораторію, открывающую намъ и много матеріаловъ, которые обработывалъ поэтъ, и его творческіе приѣмы. Черновые наброски Пушкина не только сохранили множество разсѣянныхъ тамъ и сямъ блескокъ пушкинскаго вдохновенія, но имѣютъ высокое научное значеніе, какъ матеріалъ для словаря и грамматики пушкинскаго языка. Нечего говорить, какъ важно ихъ вывести изъ хранилищъ на свѣтъ, тѣмъ болѣе, что при множественномъ воспроизведеніи ихъ нельзя сомнѣваться въ ихъ увѣковѣченіи навсегда, за что трудно поручиться теперь, когда они, покоясь на музейныхъ полкахъ, могутъ стать жертвой тлѣнія или

огня. Лучший способ воспроизведения пушкинских бумаг—хорошие фототипические снимки. Транскрипцией, конечно, трудно замѣнить ихъ. Тѣмъ не менѣе, изданіе академіи наукъ, говоритъ предисловіе къ II тому, хотѣло „по возможности исчерпать черновыя бумаги Пушкина, прочесть все зачеркнутое, все недописанное“. Сознвая, что „печатная передача рукописи не замѣняетъ собою факсимиле“, но, находя, что „при неразборчивости черновыхъ рукописей Пушкина печатная ихъ транскрипція необходима“, изданіе „имѣло въ виду интересы дальнѣйшаго изученія рукописей Пушкина... Необходимо указать, что первый образецъ этой транскрипціи рукописей Пушкина былъ данъ профессоромъ И. А. Шляпкинымъ въ его извѣстной книгѣ „Изъ невзданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, столь важной для изученія пушкинскаго текста“.

Нельзя сказать, что образецъ для подражанія былъ выбранъ удачно, такъ какъ именно книга И. А. Шляпкина дала цѣлый рядъ набросковъ, которые П. Е. Щеголевъ остроумно и вѣрно назвалъ „Ненаписанными стихотвореніями Пушкина“ („Историч. Вѣстн.“ 1904 г., январь, стр. 263—274). Какъ бы ни относиться къ вопросу о цѣнности транскрипціи, которая покуда, до точнаго фотографическаго воспроизведенія рукописей, можетъ быть терпима, какъ неизбежное зло, нельзя одобрить приемъ, состоящій въ „извлеченіи“ изслѣдователемъ изъ черновика кажущихся ему „подходящими“ стиховъ, словъ и выраженій и комбинированіи изъ нихъ бѣлого текста, котораго Пушкинъ не написалъ, но который кажется изслѣдователю многимъ пушкинскимъ. Соблазнъ немалый—„отереть“ стихи Пушкина, найти „новое“, обогатить собраніе произведеній Пушкина, и, не въ силахъ воспротивиться этому соблазну, редакторъ начинаетъ самовластно распоряжаться недоюмченной работой Пушкина, отдѣлывая ее, оставляя одно, отбрасывая другое и иногда прибавляя отъ себя третье. Такъ именно передавалъ или, вѣрнѣе, передѣлывалъ стихи Пушкина г. Шляпкинъ въ своей упомянутой работѣ, взятой за образецъ редакторомъ II тома академическаго изданія г. Якушкинымъ.

Печатавъ черновые наброски Пушкина, г. Якушкинъ одни изъ нихъ внесъ въ текстъ, среди стихотвореній, отдѣланныхъ поэтотъ, а другіе, „наименѣе отдѣланные и наименѣе цѣльные“, помѣстилъ во второй части книги, въ отдѣлъ примѣчаній. Распрежденіе набросковъ между текстомъ и примѣчаніями сдѣлано неудачно, благодаря невозможности указать степень ихъ „отдѣльности“. Казалось бы, что въ тѣхъ наброскахъ, которые вошли въ текстъ, издателю слѣдовало бы быть особенно осторожнымъ и воздержаться отъ „редактированія“

того, что написалъ Пушкинъ, но этого не было, и сопоставленіе того, что напечатано въ академическомъ изданіи, съ тѣмъ, что дають подлинныя рукописи, транскрипція которыхъ приложена тутъ же, убѣждаетъ въ произвольности и неумѣстности редакторскихъ примѣровъ. Такихъ примѣровъ немало.

На стр. 20, въ черновомъ наброскѣ: „Какъ сладостно!... Но, Боги, какъ опасно“... читаемъ (стихъ 3-й):

„Забуду ли улыбку, взоръ прекрасной“.

Въ примѣчаніяхъ (стр. 48) редакторъ объясняетъ, какимъ образомъ получился у него этотъ стихъ: „3-й стихъ былъ написанъ такъ:

Забуду ль я отнынѣ... улыбку, взоръ прекрасн

Слова: „забуду ль я“ зачеркнуты, и сверху даны двѣ поправки: одна недописанная и зачеркнутая: „могу ль“ (т. е. забыть) и другая: „Забуду ли“ (въ рукописи эти слова написаны *слитно*), что и внесено (?) нами въ текстъ. Слово „отнынѣ“ осталось незачеркнутымъ, но выпущено нами, какъ *лишнее*“ (!).

Рядомъ (стр. 21), въ другомъ черновомъ наброскѣ: „И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ“... допущенъ такой же произволъ. Стихи 4—9 переданы такъ:

„...жизни бѣ путь намъ былъ ужасенъ,
Когда [бѣ] не тихой дружбы свѣтъ...
Но слушай, чувство есть другое:
Оно и нѣжить и томить,
Въ трудахъ, заботахъ и въ покоѣ
Всегда не дремлетъ и горить“.

Частицы „бѣ“ въ пятомъ стихѣ нѣтъ, ее вставилъ редакторъ¹⁾. Шестой стихъ, по объясненію редактора (прим., 51—52), „составленъ“ вотъ какимъ образомъ. „Поэтъ начиналъ и бросалъ новый стихъ много разъ. Въ рукописи мы читаемъ:

(Но зн...)
(Но знаю чувство)
(Но есть)

Потомъ иначе:

(Любовь) (веселыя) желанья,
(Надежды) (пылыя) (рѣзвыя) (тихія)
Надежды и (желанья).

¹⁾ Въ круглыя () скобки заключены слова, зачеркнутыя въ рукописи, а въ прямыя []—слова, разобранныя „предположительно“, т. е. по догадкѣ редактора или „вставленныя вмѣсто пропущеннаго, недостающаго слова“; сокращеніе „нерзб.“ ставится на мѣстѣ слова, неразобраннаго г. Яеушкинымъ (предисловіе, стр. XII—XIII).

Затѣмъ:

Но слушай (въ сердце)
Но чувство есть другое

Откуда—побѣдоносно заканчиваетъ редакторъ—составляется стихъ, данный въ текстѣ:

„Но слушай, чувство есть другое“.

Изъ двухъ послѣднихъ вариантовъ редактору, если ужъ выбирать, слѣдовало выбрать второй, гдѣ нѣтъ ни одного зачеркнутого слова, но ему хотѣлось составить полномѣрный стихъ, и онъ слѣпилъ оба стиха въ одинъ.

7-й стихъ въ подлинникѣ написанъ:

(Оно) Оно (насъ мучить и мертвить)

„Сверху надъ зачеркнутыми словами дана поправка: „и нѣжить, и таить“. П. О. Морозовъ, въ изданіи литературнаго фонда, и за нимъ Л. Н. Майковъ внесли конъектуру: вмѣсто „таить“—„томить“, чему слѣдуетъ и нашъ текстъ“. Между тѣмъ, не говоря уже о недопустимости какихъ бы то ни было передѣлокъ написаннаго Пушкинымъ, нельзя не замѣтить, что редакторъ напрасно приписываетъ мысли Пушкина ходъ, котораго она, вѣроятно, не имѣла, потому что за сказуемымъ „таить“ могло слѣдовать дополненіе и другія части этого слитнаго предложенія. Какъ будто „чувство“ можетъ только „томить“ и ничего не можетъ „таить“ въ себѣ? 9-й стихъ: „Всегда не дремлетъ и горитъ“ нескладенъ и неуклюжъ, но въ подлинникѣ онъ имѣетъ пять поправокъ, чего не видно въ выдѣленномъ текстѣ, куда внесенъ этотъ плохой стихъ. Вся форма наброска говорить о его недоконченности; онъ испещренъ помарками и поправками. Такъ, конецъ пятого стиха—„тихой дружбы свѣтъ“—есть повтореніе, съ перестановкой словъ, отброшенной поэтомъ первоначальной редакціи перваго стиха. И это внесено въ текстъ, рядомъ съ пушкинскими шедеврами!

Академическое изданіе „приводитъ заглавія стихотвореній въ томъ видѣ, какъ они даны въ соответствующемъ, наиболѣе авторитетномъ, оригиналѣ; различія въ заголовкахъ пьесы при разныхъ ея изданіяхъ отмѣчаются наравнѣ съ вариантами текста“ (предисл., XIV). Стихи 1819 г., посвященные М. А. Щербинину, у Пушкина въ подлинной рукописи озаглавлены: „Къ Щербинину“ (Румянц. муз., тетр. № 2364, л. 71 об.). Такъ же озаглавилъ ихъ Пушкинъ въ тетради стиховъ, подготовленныхъ имъ для изданія своего перваго сборника стихотвореній (Л. Н. Майковъ, „Автографы Пушкина, принадлежащія графу

П. И. Капнисту“, С.-Пб., 1896, стр. 4). Отбрасывая это заглавіе и оставляя другое, данное неизвѣстной рукописью, съ которой посланіе впервые напечатано послѣ смерти Пушкина, академическое изданіе, не указывая даже въ примѣчаніяхъ пушкинскаго заглавія, даетъ пьесѣ названіе, едва ли написанное Пушкинымъ: „Въ альбомъ М. А. Щербинину“; между тѣмъ это заглавіе необычно для Пушкина, у котораго всѣ дружескія посланія того періода носятъ такія названія: „Юрьеву“, „Къ Чаадаеву“, „В. В. Энгельгардту“, „Всеволожскому“, или никакъ не озаглавлены.

На стр. 49 переданъ „извлеченный“ черновой набросокъ:

„Напрасно, милый другъ, я мыслилъ утѣтъ
 (Тоскующей души) холодное волненье.
 Ты поняла меня—проходить упоенье,
 Перестая тебя любить.....
 (Исчезли навсегда часы) очарованья“.

„Стихъ 2-й“—объяснено въ примѣчаніяхъ—„имѣлъ нѣсколько послѣдовательныхъ редакцій:

(Души..) (невольное) (преступное) холодное волненье
 (Обманутой души)
 (Тоскующей души)
 (Чувствъ.....)

Такимъ образомъ, начало стиха во всѣхъ редакціяхъ зачеркнуто. По примѣру другихъ издателей мы внесли въ текстъ чтеніе—(„Тоскующей души“), такъ какъ можно (?) думать, что это послѣдняя редакція: слова эти приписаны снизу, подъ стихомъ“. Но вѣдь еще ниже слѣдуетъ—„(Чувствъ.....)“. „Стихъ 5-й первоначально былъ таковъ:

(Исчезли навсегда) (минуты заблужденья).

Надъ зачеркнутымъ концомъ стиха написано: „часы очарованья“, но затѣмъ зачеркнуто и начало стиха, и написанныя слова, а потомъ опять приписано слово—„очарованья“. Здѣсь не можетъ быть сомнѣнія въ выборѣ между двумя зачеркнутыми редакціями: первая редакція сама отпадаетъ (?), такъ какъ она не рѣшуетъ съ соотвѣтствующимъ стихомъ, да къ тому же вторично написанное слово—„очарованья“ какъ бы (?) восстанавливаетъ вторую редакцію“. Однако, вѣдь, дѣло вовсе не въ разрѣшеніи сомнѣнья, какую изъ зачеркнутыхъ поэтомъ редакцій выбрать, потому что у насъ нѣтъ права выкидывать слова изъ пѣсни, и, если ужъ давать черновые наброски, то слѣдуетъ давать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ оставилъ авторъ. Въ данномъ случаѣ редакторскій произволъ рѣзко бросается въ глаза: въ раз-

смаатриваемомъ стихѣ оставлено незачеркнутымъ только одно слово, да и эта хромая редакція слѣплена изъ трехъ попытокъ набросать стихъ, такъ и оставшійся ненаписаннымъ.

Еще проще поступилъ редакторъ при передачѣ наброска: „Давно ли тайными судьбами“..., тоже внесеннаго въ текстъ (стр. 67). 6-й стихъ переданъ:

„[Все] намъ надежда, наслажденье“.

„Стихъ этотъ“—объясняетъ редакторъ (прим., 162)—„записанъ у Пушкина такъ:

[Это намъ]	(намъ) надеждой (предать)
(Мы пьемъ)	наслажденье.

Поправку въ началѣ стиха мы не могли разобрать и взяли первую зачеркнутую редакцію: „(Мы пьемъ)“, связавъ съ этимъ началомъ два слова, оставшихся незачеркнутыми“. Почему слова, которыхъ редакторъ не могъ разобрать, онъ передалъ: „Это намъ“, непонятно, но еще непонятнѣе, какимъ образомъ получился въ „окончательномъ“ текстѣ стихъ:

„[Все] намъ надежда, наслажденье“,

гдѣ сочинено неизвѣстно для чего слово „все“, не только отсутствующее въ рукописи, но даже не „предположенное“ въ транскрипціи, и пушкинское „надеждой“ измѣнено въ „надежды“. Получилась явная нелѣпица: „Все намъ надежда, наслажденье“..., но неужели виновать въ ней Пушкинъ? А этотъ стихъ даже не остался въ примѣчаніяхъ, а прямо внесенъ въ пушкинскій текстъ. Вотъ къ чему приводятъ безсильныя попытки уловить въ хаотическихъ наброскахъ ходъ пушкинской мысли, шедшей навѣрное не такъ, какъ хотѣлось бы комментатору, который позволяетъ себѣ любое слово по своему желанію „взять“, „недостающее“ ему придумать, только бы какъ-нибудь „связать“ изъ разбѣянныхъ тамъ и сямъ словъ нескладный стихъ. Какъ будто у Пушкина мало законченныхъ и несомнѣнно имъ самимъ написанныхъ и притомъ хорошихъ стиховъ!

Въ „извлеченномъ“ наброскѣ „Мнѣ васъ не жаль“..., включенномъ въ текстъ (стр. 205), третій стихъ написанъ такъ:

	ночей
о тайнства (моихъ)	(ночей)
Мнѣ васъ жаль, пиры младыхъ (друзей)	

При словѣ „младыхъ“ г. Якушкинъ (прим., стр. 332—333) сдѣлалъ сноску: „зачеркнуто и восстановлено“, но непонятно, что именно

зачеркнуто и восстановлено: одно ли слово „младыхъ“ или весь стихъ до этого слова включительно? Въ „извлеченіи“ получилось:

„Мнѣ васъ [не] жаль, о тайства ночей“.

Отрицаніе „не“, увѣряетъ за Пушкина его редакторъ, „пропущено по ошибкѣ“. „Пыры младыхъ“ и „о тайства“ у Пушкина равносильно незачеркнуты, но, „кончая“ его работу, г. Якушкинъ выбираетъ болѣе „удобныя“ слова. 11—12-й стихи транскрипціа даетъ въ такомъ видѣ:

надеждъ часы (Гдѣ прежній) (и) слезы
 (Гдѣ) (жаръ) (и слезы) вдохновенья
 года нѣга
 Придите вновь, о дни моей Весны.

Въ „извлеченіи“ читаемъ:

„(Гдѣ прежній жаръ и) нѣга вдохновенья?...
 Придите вновь, года моей весны“

11-й стихъ, по объясненію редактора, получился вотъ какимъ способомъ. „Поэтъ началъ поправки въ стихъ, но не кончилъ ихъ, и стихъ въ полномъ видѣ мы *извлекаемъ изъ комбинаціи зачеркнутого*. Стихъ былъ начатъ: „Гдѣ жаръ“, но оба эти слова зачеркнуты, и сверху начато: „Гдѣ прежній“ и тоже зачеркнуто: изъ этихъ *зачеркнутыхъ* словъ и *извлекается начало стиха*: „Гдѣ прежній жаръ“; во второй половинѣ стиха также есть поправки: первоначально было: „и слезы вдохновенья“, потомъ „и слезы“ зачеркнуто, но вновь написано сверху, потомъ опять „и“ зачеркнуто, а слово „слезы“ осталось, внизу подъ стихомъ приписано слово „нѣга“; это послѣднее слово и внесено въ стихъ потому, что, хотя слово „слезы“, вторично написанное, и не зачеркнуто, но слово „нѣга“, по мѣсту своего написанія, представляетъ послѣднюю поправку“.

Происхожденіе 12-го стиха „извлеченія“ оставлено безъ объясненія. Если надписанное надъ нимъ слово „года“ и относится къ нему, то въ первоначальной редакціи стиха, судя по транскрипціи, слова „о дни“ остались незачеркнутыми, и замѣнять ихъ редакторъ не имѣлъ основанія; также нужно было сохранить пушкинскую прописную букву въ словѣ „Весна“ (въ предисловіи, стр. XV, было обѣщано „сохранять правописаніе того оригинала, по которому печатается произведеніе“).

На 49 стр. отдѣла примѣчаній находимъ стихи, напечатанные г. Якушкинымъ еще четверть вѣка назадъ („Русс. Стар.“ 1884 г., мартъ, 651):

„Самъ Фебъ тебя готовилъ
 На славу нашей сцены...
 На пышныхъ играхъ Мельпомены
 Явилась ты предъ нами въ первый разъ“...

Но тутъ же редакторъ раскрываетъ способъ, которымъ добыты эти стихи. Они извлечены изъ „очень исчерканной, совершенно неотдѣланной черновой“, которую онъ передаетъ такъ:

(Надежда Парнаса)
 (Самъ Фебъ)
 (Амуръ тебя обрекъ)
 (Тебя готовилъ)
 (На славу) (для славы) (въ славѣ) нашей сцены
 (Ты) (Ты будешь) надежд(ой)а
 (Моина) Слава нашей сцены
 Вездѣ составятся
 Торжества готовятся
 (Когда ты въ *нерзб.*)
 (Явилась)
 (На пышныхъ играхъ Мельпомены)
 (Явилась) (въ) (ты)
 (На пышны. игр. Мел.)
Нерзб. алтарей любви
 (Когда) явилась ты предъ нами въ первый разъ.

„Выдѣленное“ четверостишие такъ понравилось его автору (не Пушкину, конечно), что онъ принесъ въ жертву незачеркнутые стихи, которые во всякомъ случаѣ слѣдовало бы принять безъ сопротивленія, и выбравъ изъ зачеркнутыхъ строкъ то, что ему показалось „лучшимъ“. Стихи вышли, что и требовалось доказать, но опять-таки—при чемъ тутъ Пушкинъ?

Такъ же „извлечено“ другое стихотвореніе, переданное, по мнѣнію редактора (примѣч., стр. 84—85), такъ, „какъ оно складывалось у Пушкина“. У Пушкина „складывалось“—приводится транскрипція—слѣдующее:

Лаиса, я люблю твой (смѣлый) (разговоръ) смѣлый
 (вольный) (взоръ) взоръ (разговоръ)
 (Нѣмые вызовы) твои (неу... вп...) (твой) жаръ)
 жаръ откровеннаго желанья
 (И своенравны) И непрерывныя (живыя) (частыя) лобзанья
 (И страсти полныя) (пылкія) (жизни) (разговоръ).

„Теперь извлечемъ“, говоритъ изслѣдователь, и вотъ что „извлекается“:

„Лайса, я люблю твой смѣлый взоръ
 Жарь откровеннаго желанья
 И непрерывныя лобзанья
 (И страсти пылкій разговоръ)“.

Почему, напримѣръ, изъ двухъ равно зачеркнутыхъ словъ— „полный“ и „пылкій“ г. Якушкинъ избралъ именно второе? „Страсти полный разговоръ“ гораздо складнѣе и понятнѣе, чѣмъ „страсти пылкій разговоръ“; къ тому же первоначально эти слова были соединены у Пушкина. Но и все „извлечение“ ихъ недурно!

Черновой набросокъ „Не угрожай лѣнливцу молодому“... (примѣч., 126), вопреки мнѣнію В. Е. Якушкина, представляетъ собою первоначальную редакцію посланія 1817 г. къ Н. И. Кривцову: „Не пугай насъ, милый другъ“... Это показано В. Я. Брюсовымъ („Лицейскіе стихи Пушкина, къ критикѣ текста“. М., 1907, стр. 78—79).

Извѣстная пьеса „Недоконченная картина“ была напечатана Пушкинымъ въ сборникѣ, изданномъ въ 1829 г. Сохранилась исчерканная первоначальная черновая, передаваемая академическимъ изданіемъ въ такомъ видѣ (примѣч., стр. 129—130):

(Скажи)

(Кого воспламеняли)

(За чѣмъ сей образъ)

восторгомъ

(Чья кисть)

(начертала)

—(такъ смѣло)

Чья мысль

отгадала

тайну

Небесную всѣ (всѣ тайны)

Безмолвну

(Живую тайну) красоты

о боги—рпсовала

Чья кисть (безмолвно набросала)

(На)

(Сіи небесны) черты—

Смѣло сотворилъ (*нерзб.*) воображеніемъ

Кто (понялъ) (въ тихомъ) (гупоеньи)

Кто

(*нерзб.*) (Сей миръ) И (тих) (сей чистый) (и *нерзб.*...).

Сей (пламенный) (Сей мира полный) взоръ

(Душа) (чувства)

(Сей полн впечат) Кто *нерзб.*

(Кто даль устамъ) (Кто даль нѣмымъ устамъ)

(Кто даль) (*нерзб.*).

(Кто и) (нѣм. .) (раз)

Геній душу

(Кто) (Устамъ) Кто понялъ вдохновеньемъ
(Кто слышалъ)

(нѣм) Кто слышалъ
(Нѣмой) (безмолвный) сердца разговоръ
(Кт)

(небес) (поэта!)

(Небо)

гдѣ пламень держитъ
Любовь!... Но (боги)! (кто рукою) блажь
(Изъ) (бр....)

(Палитру) (*нерзб.*) (любимца)

(кто) (гдѣ) (вистъ любимца) (свѣтлыхъ) Музь
(гдѣ) кто держитъ Безчувственъ онъ
(Недвижимъ онъ) какъ хладный камень
расторгнуть (разорванъ)
(Со) (Р) (Разорванъ) съ жизнію союзъ
(Взираетъ) на дивныя

Глядитъ
(Глядитъ) (на свои) (созданья)
Ловитъ *нерзб.*

(Геній свой)

(онъ *нерзб.* .) *нерзб.*
И гаснетъ пламенной душой
(Онъ *нерзб.*) (гаснетъ)

страданье

(Его мертвить) (одно) (мечтанье)
его
въ душѣ мертвить одно (мечт)

Изъ этой черновой редакторъ извлекаетъ слѣдующіе стихи:

„Чья мысль восторгомъ отгадала
Безмолвну тайну красоты
Чья вистъ—о, боги—рисовала
(Сіи небесныя) черты?
Кто сотворилъ воображеньемъ
Сей (пламенный, сей чистый) взоръ
Кто понялъ душу вдохновеньемъ,
Кто слышалъ сердца разговоръ?
Любовь! Но гдѣ поэта пламень?
Кто держитъ (вистъ любимца) Музь?
Безчувственъ онъ, какъ хладный камень,
Расторгнуть съ жизнію союзъ.
Глядитъ на дивныя созданья
(Онъ) (Геній свой)
И гаснетъ пламенной душой,
Въ его душѣ одно страданье“...

Получились стихи не только нелѣпые, но и сугубо ненужные, потому что Пушкинъ самъ отдѣлалъ свою черновую, самъ напечаталъ пьесу. Щедрость совершенно излишняя,—въ предисловіи общана только транскрипція.

Не лучше и слѣдующее „извлечение“ (стр. 139—140):

„Могущій богъ садовъ, паду передъ тобой.
Твой ликъ [уродливый] поставилъ я съ мольбой
Не съ тѣмъ чтобъ удалялъ ты своенравныхъ козь
И пти(чекъ) отъ плодовъ незрѣлыхъ
Тебя украсилъ [я] вѣнкомъ [изъ] дикихъ розъ
При пѣсняхъ мирныхъ [и] веселыхъ“.

Это „извлечение“, въ которомъ четыре слова вставлены (въ шести стихахъ!) „предположительно“, получилось изъ исчерканнаго и трудно поддающагося чтенію наброска:

паду передъ тобой
(вѣковой)
это (нерзб.)
(Подъ линой долготѣней)
(въ тѣни столѣтнихъ)

(чудесный)

Могущій богъ садовъ—(подъ кровомъ влена)
Пріяль (чудесный) (ликъ) образъ (въ моемъ) нерзб.
Твой (Твой)

(кому) все жертвуетъ в. . .

тому
(Твой) (ликъ) (Поставилъ) (я) (въ тѣни) (твой ликъ)
Твой ликъ [уродливый] (въ мое) поставилъ я (въ тѣни) съ мольбой
(не съ) (въ моемъ смиренномъ огородѣ)
(нерзб.)
удалялъ своенравныхъ
Не съ тѣмъ чтобъ (отгонялъ) ты (жадны(я)хъ стада козь)
(чекъ) (отгонялъ) (ягодъ) нѣжныхъ (нерзб.)
(И нерзб.) пти(цъ) отъ (плодовъ) незрѣлыхъ,
(вѣнкомъ)

Тебя украсилъ
(И пчель) вѣнкомъ
нерзб. (нерзб.)
дикихъ розъ
Пѣсни его храни дикихъ
Прія (нерзб.) нерзб. (отъ)
(При пѣсняхъ мирныхъ) веселыхъ
(Принесъ тебѣ я нерзб.) веселыхъ
Не съ тѣмъ чтобы

Далѣе (стр. 141—142) данъ другой набросокъ, тоже исчерканный

и малоразборчивый. Онъ тоже сопровождается „извлечениемъ“. Извлечение гласитъ:

„... Она при мнѣ
 Красою нѣжной распѣтала
 Въ уединенной тишинѣ....
 Въ тѣни плѣнительныхъ дубравъ
 Я былъ свидѣтель умиленный
 Ея младенческихъ забавъ...
 Она цвѣла передо мною,
 Ея чудесной красоты
 Уже отгадывать мечтою
 Еще неясныя черты.
 И мысль объ ней одушевила
 Моей цѣвницы первый звукъ“...

Стоитъ сличить „извлечение“ съ подлинникомъ, чтобы понять во всей простотѣ и легкости „методъ“ г. Якушкина, состоящій въ механическомъ соединеніи приемующихъ стиховъ. Вотъ что даетъ транскрипція:

(Она мнѣ)
 (Не знаешь) (Она она я видѣлъ)
 (Она) (она) (она) при мнѣ
 (Цвѣла) красою нѣжной распѣтала
 Въ уединенной тишинѣ
 (*Нерзб.*) любовь моя
 (Я видѣлъ, другъ уединенья)
 Ея младенч (свободы)
 (З) Знаком . . . юность (*нерзб.*)
 Въ тѣни плѣнительныхъ дубравъ
 Я былъ свидѣтелемъ (щастливымъ) умиленный
 Ея (младенческихъ) забавъ
 Ея (плѣнительной весны)
 (Я былъ) (Я сердцемъ видѣлъ)
 (Я пылею сердцемъ обожалъ)
 Она цвѣла передо мною
 И волшебн . . . *нерзб.*
 Ея чудесной красоты
 (Ловилъ я пламенной душою)
 Уже отгадывать мечтою
 Еще неясныя черты—
 (Она меня) одушевила (мнѣ внушила)
 И мысль объ ней одушевила
 (Влюбленной лиры) моей цѣвницы первый звукъ
 (И *нерзб.* серд. страст) пріучила
 (И тайнѣ сердца) *нерзб.*
 (Меня) (и тихо душу пріучила)
 (Къ унылой) *нерзб.*

